

A close-up portrait of a woman with long, dark, wavy hair, looking slightly to the right with a soft smile. She is wearing a red, textured top and a gold necklace. The background is dark and out of focus.

ТАТЬЯНА РАССА:
«Соединяя музыку
с сердцем»

**ИНТЕРВЬЮ С МНОГОЛЕТНЕЙ СОЛИСТКОЙ ИНСБРУКСКОГО ТЕАТРА,
СОПРАНО БЕЛЬКАНТО**

Татьяна, разговор с тобой хочется начать с вопроса: какое место в твоей жизни занимает музыка?

Музыка – это не просто часть моей жизни, она и есть моя жизнь, моя суть. Во мне постоянно звучат мелодии. Когда я иду по улице или занимаюсь обыденными делами, не требующими особой концентрации, то одновременно я что-то напеваю. Чаще всего это произведения, с которыми я выступаю на данный момент на сцене, или другие знакомые классические темы, но

иногда и поп-композиции. Порой я даже что-то сочиняю – обычно в торжественном стиле, похожем на оратории Баха. Сама удивляюсь, что мои сочинения – чаще всего полная противоположность моему репертуару, да и произведения Баха я до сих пор не исполняла.

Когда ты поняла, что пение – твое призвание?

Это, возможно, покажется странным, но пением я начала заниматься только с 18-ти лет. С детства я брала уроки фортепиано и в 15 лет поступила

в Воронежский музыкальный колледж имени Ростроповича. Я обучалась на отделении фортепиано, все шло успешно, только один момент меня смущал – я очень волновалась на экзаменах. После трех лет учебы решила заняться пением и поступила на второй факультет – отделение вокала. От такого решения меня отговаривали педагоги и вообще все вокруг – поддержала только сестра. Не все сразу удавалось, но вокал оказался мне ближе – я больше не нервничала на экзаменах и получала огромное удовольствие от выступлений перед публикой.

Какие педагоги оставили особенный след в твоём становлении как певицы?

В музыкальном колледже мне предрекали, что мой голос не сможет развиваться в оперный, и в анкете, в графе о его качестве и возможностях, стояла не самая лестная запись, которая сейчас мне кажется забавной.

Мне повезло встретить на своем пути уникального педагога – заслуженную артистку России Александру Михайловну Тырзыу. Сейчас ей около 70-ти лет, она продолжает петь, успешно преподает и прекрасно выглядит. Ее выпускники – лауреаты всероссийских и международных конкурсов, солисты оперных и филармонических сцен в России и за рубежом. Много лет Александра Михайловна была ведущей солисткой Воронежского государственного театра оперы и балета, исполняла, например, партию Микаэлы с Зурабом Соткилавой в опере «Кармен».

Бывает, встречается на пути Педагог с большой буквы. Александра Михайловна понимает не только природу голоса, но и природу души. Обучая, она выкладывалась полностью и «вытаскивала» голос, раскрывала все его ресурсы, вдохновляла и заряжала творческим настроением. Нам, своим ученикам, она говорила: «Бог дал тебе голос, пой только Богу». И учила исполнять произведения без самолюбования и проявления амбиций, своего эго, предельно точно, с уважением к творению мастера. Быть в потоке с его вдохновением, соблюдать тот «секрет», который он получил свыше. Не менять ни ноты, ни длительность – даже четверть на восьмую, не забыть паузу.

Я доверяла ей полностью, хоть иногда и позволяла себе небольшие вольности. В итоге возникали «правильные эмоции», как по Станиславскому: «Правильные эмоции рожают правильные действия». Александра Михайловна была моим

первым и, пожалуй, самым главным педагогом. Она раскрыла мой голос и научила петь, соединяя музыку с сердцем. Надеюсь, что какая-то часть ее самой отпечаталась во мне. Она занималась со мной два года, подготавливая для поступления в Гнесинку. И я поступила.

Расскажи о времени, проведенном в Гнесинке.

В 2000 году я приехала в Москву из Воронежа, намереваясь одновременно поступать в ГИТИС и Гнесинку на вокальное отделение. В ГИТИС я сдавала экзамены вместе с Юлией Началовой – родилась она, кстати, в Воронеже, – и ее приняли. Тогда я была необычайно воодушевлена и прочла перед комиссией проникновенный стих Саши Черного о творчестве:

«Есть горячее солнце, наивные дети,
Драгоценная радость мелодий и книг.
Если нет – то ведь были на свете
И Бетховен, и Пушкин, и Гейне, и Григ...»

Я увлекалась поэзией. Комиссии же требовалось что-то более «характерное». Мне сказали: «Вы хорошо поете, но вы вчера из монастыря что ли вышли?» Это стало для меня ударом.

Но меня приняли в Гнесинку! Я поступила туда без связей и оплаты, хотя некоторые абитуриенты нанимали репетиторами педагогов из Гнесинки и это обеспечивало им место при поступлении. Во время вступительного экзамена я пела так хорошо, как никогда раньше. Ученики и педагоги подходили и слушали за дверью, отмечали мое бельканто. Мой первый педагог, Александра Михайловна, сделала невозможное – поставила мне идеальную технику! Поэтому я считаю, что роль педагога огромна.

И в Гнесинке мне тоже повезло с педагогом. Я училась у потрясающего человека – заслуженной, а позже народной артистки РСФСР Маргариты Александровны Миглау, певшей в Большом театре. В Гнесинке тогда преподавали такие известные величины оперного искусства, как Валентина Николаевна Левко и Зара Александровна Долуханова. Они делились с нами идеями, хотя и не углублялись в вокальную технику. Это было потрясающее время: учиться у Миглау и видеть каждый день легенд оперного искусства в коридорах Гнесинки.

Как продвигалась дальше твоя профессиональная деятельность?

В конце учебы в Гнесинке я взяла академический отпуск и отправилась на год в Индию. Я побывала во многих местах, давала мастер-классы в музыкальной академии в Гоа, участвовала в концертах в Мумбаи и Пуне. Осваивала индийскую классическую музыку, которая оказалась намного сложнее европейской классики. После возвращения я доучивалась в Гнесинке и закончила ее с отличием.

Поворотный момент произошел на фестивале «Волшебная флейта» в Германии, где я познакомилась с будущим мужем, немцем, пианистом. Изначально я ведь пианистка – и я питала нежные чувства к пианистам. В итоге я переехала во Франкфурт и снова оказалась в Германии.

Почему – снова Германия?

Ранее я жила в Германии почти четыре года, с 12 лет, в военном городке. Родилась я в Литве, так-

же в военном городке, и провела там все детство. Это была достаточно закрытая, изолированная территория. В музей, например, я впервые попала лишь в 15 лет, а с мировой культурой знакомилась через фортепиано, которым занималась с шести лет и с удовольствием могла играть часами.

Мои родители – из донского казачества. По маминой линии есть родственники Михаила Шолохова, поэтому мою старшую сестру назвали Аксиной – в честь героини его романа «Тихий Дон». Мой папа служил в десантных войсках, участвовал в боевых действиях в Афганистане, награжден орденом Красной звезды, получил звание старшего офицера воздушно-десантных войск Советской армии, у него около 200 прыжков с парашютом и два высших военных образования.

Когда папа ушел в отставку в 45 лет, государство предложило нам на выбор достаточно просторные квартиры в семи городах России. Родителям пришлось по душе Воронеж, поскольку он находился относительно недалеко от места жительства дедушек и бабушек. Так наша семья оказалась в Воронеже, где мы совсем никого не знали.

Там у меня не было своего фортепиано, поэтому я приезжала в колледж к семи утра, чтобы позаниматься на свободном инструменте. Так делали и другие ученики, у кого дома не было пианино. Или мы оставались вечером. Таким сильным было стремление учиться.

Какой опыт ты приобрела в Германии?

Нужно было учить немецкий язык, и это немного притормозило мою творческую деятельность. Однако в 2007 году я поступила во франкфуртский музыкальный театр Рарагено. Там пела сольные концерты и репетировала партию Джильды из оперы «Риголетто», которую, к сожалению, не смогла исполнить из-за беременности.

В этом театре под руководством Ханса-Дитера Майеншайна я приобрела важные актерские навыки и научилась раскрепощаться на сцене.

В этом плане мне также много дала Елена Панкратова – сопрано мирового уровня. Тогда она тоже жила во Франкфурте и занималась со мной совершенно бесплатно, а также делилась секретами сценического искусства. Спустя годы мы встретились в Венской опере, где она заметила, что для мирового успеха недостаточно только голоса – важно также обладать незаурядным эго, и привела слова Ростроповича: «Скромность – лучший путь к неизвестности».

В 2013 году я решила попытаться счастье на немецком конкурсе «Das Supertalent» – к тому времени я уже три года жила в Вене. Прошла все отборочные туры и попала в полуфинал. Пела «O mio babbino caro» из оперы «Джанни Скикки» Дж. Пуччини перед миллионами зрителей и звездным жюри, в которое входил Дитер Болен.

Чтобы пройти в финал, организаторы попросили меня спеть что-то из неоперного репертуара, по возможности – уникальное, и я отказалась. Однако это был очень важный опыт. Успешное участие в этом конкурсе укрепило мою веру в себя.

После конкурса меня стали узнавать в Вене – на улице и в магазинах. «Это вы пели в субботу?» – спрашивали меня на каждом шагу. Тогда я впервые ощутила, что значит быть знаменитой – это неожиданно и приятно!

Как складывалась твоя творческая жизнь в Австрии?

После года обучения в Венском университете музыки и исполнительского искусства меня пригласили в Инсбрукский театр, где с 2015 года в течение семи лет я исполняла главные партии: Лизу в «Пиковой даме», Графиню в «Женитьбе Фигаро», Донну Анну в «Доне Жуане», Антонию в «Сказках Гофмана», Лауретту в «Джанни Скикки».

Особенно вспоминается мой первый опыт в театре – работа над «Пиковой дамой». Режиссер, американец, два месяца жил в Санкт-Петербурге, чтобы погрузиться в музыку Чайковского, изучить документы и быт той эпохи. Чтобы сцена в бане получилась более яркой и, так сказать, правдоподобной, он придумал задействовать в ней статистов в чем мать родила. Да и мы, артисты, должны были выступать полураздетые, в одних ночных сорочках. По театру поползли слухи, которые достигли хора театра. И хор – особенно активной была одна хористка – выступил категорически против статистов в бане. Наступил день генеральной репетиции, на которую должно было приехать телевидение ORF, все с волнением ждали сцену в бане... Но статисты не вышли! Коллектив хористов выиграл и был невероятно горд собой. Большинство артистов, и я в том числе, были рады, что так произошло.

Хотя сцену в бане изменили, «Пиковая дама» не прошла с аншлагом – как это было обыкновенно,

**ПОСЛЕ КОНКУРСА МЕНЯ СТАЛИ
УЗНАВАТЬ В ВЕНЕ – НА УЛИЦЕ И
В МАГАЗИНАХ. «ЭТО ВЫ ПЕЛИ
В СУББОТУ?» – СПРАШИВАЛИ
МЕНЯ НА КАЖДОМ ШАГУ. ТОГДА
Я ВПЕРВЫЕ ОЩУТИЛА, ЧТО
ЗНАЧИТ БЫТЬ ЗНАМЕНИТОЙ – ЭТО
НЕОЖИДАННО И ПРИЯТНО!**

например, при постановке «Женитьбы Фигаро». Вероятно, музыка Чайковского слишком тяжела для восприятия австрийцев. Я как-то пригласила на эту оперу моих австрийских приятелей из Гмундена, но они смогли выдержать только первое действие и провели остаток представления в буфете. Лиза бросается в воду, Герман

стреляется – все так драматично! Люди не выдерживают такую сложную психологическую коллизию. В «Женитьбе Фигаро» также есть «острые» моменты, но там как-то все не по-настоящему. После исполнения партии Лизы я всегда приходила в себя еще около суток, с трудом засыпала.

У меня остались самые теплые воспоминания об Инсбрукском театре и его дружном коллективе. Там царил здоровая атмосфера. У нас, артистов, были шикарные условия – квартиры, отели и прочее – все бесплатно, как при коммунизме. Отношение к нам было невероятно бережное. Некоторые трудности у меня возникали с пониманием тирольского диалекта, особенно при общении с костюмерами и гримерами, но со временем я привыкла.

В Инсбрукском театре я пела до 2022 года. Однако с ковида многое начало меняться. Сейчас я пою в «Опере в Крипте» (Oper in der Kripta) в Вене. В моем репертуаре, например, Виолетта из «Травиаты» Дж. Верди, я даю сольные концерты. И задумываюсь о педагогической деятельности как параллельном направлении.

Ты училась в разных странах. Какие особенности обучения можешь отметить?

В Австрии, кроме пения, большое внимание уделяют актерскому мастерству, работе с агентами и умению «продать себя». Здесь 90 % выпускников без особых трудностей устраиваются в театры. А многие выпускники Гнесинки не могут найти работу по профессии или поют в не очень известных хорах. Артисту в России труднее продвигать себя, устроиться. Хотя школа вокала там очень сильная. Многие певцы, прошедшие российскую школу, поют в Австрии главные партии.

Что обычно происходит за кулисами?

За кулисами я вживаюсь в роль, выполняю упражнения, чтобы освободить диафрагму, активизировать энергию тела и сконцентрироваться, настраиваю голос. Происходит процесс перевоплощения по Станиславскому – себя артист отодвигает в сторону, оставляя только около 30 % своего «я». Красивые костюмы и грим также помогают войти в образ. В такие моменты я часто вспоминаю маму – она инженер-технолог по одежде, творческий человек, работала с магазинами модной одежды, участвовала в разных выставках.

Как тебе работается в творческом коллективе?

Если говорить об опыте, который у меня был в Инсбруке, то все было легко и комфортно. Я никогда не занимаюсь сплетнями и не участвую в интригах.

В АВСТРИИ, КРОМЕ ПЕНИЯ, БОЛЬШОЕ ВНИМАНИЕ УДЕЛЯЮТ АКТЕРСКОМУ МАСТЕРСТВУ, РАБОТЕ С АГЕНТАМИ И УМЕНИЮ «ПРОДАТЬ СЕБЯ». ЗДЕСЬ 90 % ВЫПУСКНИКОВ БЕЗ ОСОБЫХ ТРУДНОСТЕЙ УСТРАИВАЮТСЯ В ТЕАТРЫ.

Возможно, я не в курсе закулисных игр, но считаю, что нужно быть дружелюбным, открытым и хорошо выполнять свою работу. Бывают певцы с «интересным» характером, но их немного; в основном все мои коллеги замечательные.

Насколько сложно одновременно петь и вживаться в драматическую роль?

Вначале это было для меня очень сложно. Мне помогла книга Антаровой «Уроки Станиславского». Она была ученицей Станиславского и записывала его лекции для солистов. Эти лекции бесценны для оперных певцов. Мы сосредоточены на своем голосе, а одновременно вживаться в роль невероятно трудно. Станиславский говорил, что страхи идут от эго: если артист боится сцены, искусство в нем не живет. Он создал школу актерского мастерства, а его ученик Михаил Чехов основал подобную школу в Голливуде. Некоторые считают, что голливудская школа лучше или, точнее сказать, безопаснее, поскольку не приводит к саморазрушению из-за самонагнетания эмоций.

Перед выходом на сцену я медитирую около десяти минут, представляя себя не Татьяной или Ольгой, а частью Вселенной. Если медитация удалась, я успешно погружаюсь в роль. Важно очиститься: Станиславский не любил людей, приходящих в театр с проблемами. Актер не должен нести «личностный мусор» в искусство. Антарова описывает различные техники вживания в роль – например, как возникает ступор энергии, точка высшего сознания, благодаря чему артист начинает ощущать искусство в себе. Книга Леонова «Письма к сыну» – об этом же, как и высказывание Андрея Миронова: «Надо любить не себя в искусстве, а искусство в себе».

Как проходит день певицы перед выступлением?

За день-два до выступления я настраиваюсь, слушаю музыку, в том числе других певцов. Стараюсь практически ни с кем не говорить, больше молчать. Минимизирую работу по дому и прошу семью помочь мне с домашними делами. Питаюсь протеиновой и витаминной пищей, стараюсь никуда не ходить, чтобы сосредоточиться на выступлении. В Инсбруке, где я жила в отеле, это происходило само собой.

Какие твои самые любимые произведения? Какие из них самые сложные для исполнения?

Мне нравятся все произведения, которые я пою; каждое из них любимое. Идеал, к которому я стремлюсь, трудно достигается. Мне хочется вкладывать больше и больше, чтобы получилось то, что я слышу внутри себя. А это получается нечасто. Все произведения сложные, требуют большого труда и эмоциональных затрат. На конкурсе «Das Supertalent» я спела «O mio babbino caro» действительно хорошо.

Как ты слушаешь коллег? Можешь ли полностью раствориться в музыке или постоянно анализируешь?

Если чье-то исполнение меня убеждает, я не анализирую и просто наслаждаюсь музыкой, как и все. И наоборот.

Как ты относишься к итальянской опере? Согласна ли, что пальма первенства принадлежит итальянцам?

Да, бесспорно. У каждой нации есть замечательные примеры – немецкая опера, Моцарт, Чайковский. Но произведения итальянских композиторов, особенно Верди и Пуччини, – это шедевры.

Каких оперных и поп-певцов современности ты выделила бы?

Из оперного мира мне нравится Анна Нетребко – как она поет, как играет на сцене. Также Асмик Григорян – у нее интересный голос, ее игра очень своеобразна. Я предпочитаю певцов с яркой индивидуальностью и неповторимым стилем. Из иностранных исполнителей выделю Рене Флеминг и Мариэллу Девиа. Но как пели Монсеррат Кабалье, Мирелла Френи и Мария Каллас, так сейчас никто не поет.

Монсеррат Кабалье проводила множество мастер-классов, но даже ее дочь не смогла перенять ее технику. Голос невозможно точно воспроизвести – в его вибрациях отражается сущность души и заключена некая магия.

Мне нравится и другая, неоперная музыка. Например, люблю слушать венгерского пианиста Петера Бенце и пианистку из Польши Ханию Рани. В моем доме звучит разная музыка – и рок, и симфонии. Из поп-групп выделю Coldplay и Imagine Dragons, а также ирландско-американского певца и композитора Майкла Патрика Келли.

Как ты относишься к тем людям, которым Бог не дал голоса и слуха?

У каждого есть свой талант. Я развиваюсь в своем направлении, но есть много других способностей, которые меня восхищают. Я такая же простая смертная, как и остальные, и не смотрю на людей свысока. Даже великие в повседневной жизни остаются обычными людьми. Если бы я, например, имела такую гениальную память, как у Даниеля Баренбойма, и запоминала ноты на лету или если бы мне был дан голос, как у Марии Каллас, возможно, я смотрела бы на других сверху вниз. Но мой голос дался мне очень тяжелым трудом.

Где ты встречала самую благодарную публику?

Она везде! Если ты трогаешь сердца людей, благодарность будет везде: в России, в Германии, в Австрии.

Объединяет ли музыка людей?

Объединяет, безусловно. Музыка играет важную роль в нашем мире, ведь она – из небесных сфер. Любой музыкант, особенно композитор, приходит в этот мир, чтобы объединять людей и оживлять их сердца. Это особенно ощущается на больших концертах! После них возникает чувство, что мы все – зрители, слушатели и музыканты – стали ближе друг другу, постигнув новые тайны мироздания.

Что ты ощущаешь, когда выходишь на сцену?

Для меня это моменты вдохновения, радости и, конечно, волнения. А еще – благодарность за возможность исполнять творения великих авторов, пропускать через себя музыку и нести ее людям.

Беседовала Виктория Малышева, г. Вена

Fotom: © Tiroler Landestheater

